

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 491

29 OCTOBRE 1954

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

10-й ГОД ИЗДАНИЯ
ДИРЕКТОР А. П. Б. А.

Tous les vendredis

PRIN DU NUMERO

40 fcs

После чеховского спектакля

Спектакль 17 октября, в театре Иена взволновал русских парижан. В нем были все элементы крупного театрального события: чествование памяти любимого писателя; несравненная прелесть одной из лучших его пьес (можно ли, впрочем, сказать про какую-нибудь чеховскую пьесу, что она лучше или хуже другой?); наконец, замечательный состав исполнителей, из которых половина была артистами Московского Художественного театра. Все это дает право рецензенту — а особенно рецензенту старому, видевшему эту пьесу еще при жизни Чехова — вернуться к постановке 17 октября.

Спектаклю предшествовало вступительное слово Б. К. Зайцева, в котором он отметил эволюцию, проделанную Чеховым от «Лешего» до «Дяди Вани». Известно, что Чехов не любил, когда «Дядю Ваню» называли переделкой «Лешего». По существу он был, конечно, прав: если внешне у этих двух пьес и есть много общего, если в них сохранены даже имена действующих лиц и дословный текст многих диалогов и монологов, — то по содержанию, и, главное, по идее, в них заключенной, пьесы эти глубоко различны. «Леший» — картинка русского уездного быта, написанная с обычным чеховским мастерством, приправленная драматическим элементом (самоубийство Войницкого) и заканчивающаяся, по всем правилам комедийного искусства, двумя свадьбами. «Дядя Ваня» — уже «настоящий Чехов», пронзительная драма «неудачников», водная до слез. И прав был Б. К. Зайцев, когда, рассказывая про спектакль «Дяди Вани» в Художественном театре, он вспоминал замечавшие в зале после финального монолога Соии — «мы отдохнем, дядя Ваня» — носовые платки и сдержанные рыдания. Пишущий эти строки, тоже помнит эти платки и эти слезы.

Трудно сказать, были ли слезы в зале Иена 17 октября: современная публика гораздо менее чувствительна, да и времена теперь иные. Но одно несомненно, что этим знаменитым заключительным монологом Крыжановская — Соия воскресила атмосферу Художественного театра. Какая большая, какая тонкая и вдумчивая артистка, и как жаль, что приходится так редко видеть ее на сцене! Ее Соия — предельный сценический образ, отделанный с той ювелирной тщательностью, которая культивировалась учителями Крыжановской, Станиславским и Немировичем-Данченко.

Это же сравнение с ювелирной работой приходит на ум, когда вспоминаешь Павлова в роли Вафли. Смотреть этого артиста всегда большое удовольствие; в данном случае можно без преувеличения сказать, что это было наслаждением. Конечно, напрашивалось сравнение с Артемом, неизменным исполнителем этой роли в Художественном театре, — и, право, трудно было бы отдать одному из них предпочтение (тем более, что и

внешне Павлов создал почти идентичный образ). Надо было видеть игру Павлова за чайным столом в первом акте, надо было слышать его реплики, в которых каждое простое слово приобретало то острое, человеческое значение, которое умел вкладывать в простую речь Чехов! Сцена же второго акта, с подвыпившим Астровым, совершенно заслуженно вызвала среди действия аплодисмента зала.

Приблизительно то же можно сказать и про Греч, которая из небольшой эпизодической роли няньки вылепила чудесный образ, такой всем нам знакомый и такой неизменно трогательный. Обидно только, что последний акт был начат как-то — неожиданно, и ее знаменитая реплика на жалобы Телегина — «все мы у Бога приживались» — прошла почти незамеченной под шум пробирающихся на свои места запоздавших зрителей.

Об остальных исполнителях было уже все сказано в предшествующей рецензии.

Е. Х.